

«Типичная О.А.»

В.Я. Иврий

Я не был студентом Ольги Александровны, и встретился с ней впервые уже достаточно поздно, и встречался редко – во время моих приездов в Санкт-Петербург, а также на различных конференциях. Однако две мои последние встречи с ней произошли при некоторых необычных обстоятельствах, в которых она тем не менее была той же самой О.А.

Моя предпоследняя встреча была в начале 90-х в *École Polytechnique, Palaiseau*. У меня там был двухгодичный контракт, а Ольга Александровна приехала из Парижа, где она гостила в *Paris 6/7*, с тем чтобы сделать доклад. У нее возникла проблема напечатать статью, а секретари в Париже «... кому-то печатают, а кому-то не печатают. Мне не печатают», – жаловалась О.А. В тот момент я уже бойко набирал в *TeX*, но в *Polytechnique* секретари печатали всем, и по моей просьбе сделали эту работу для нее. Это была «типичная О.А.», готовая вступить за жертву несправедливости, но терявшаяся, когда в жертвах оказывалась она.

Моя последняя встреча состоялась в июле 1998 года, когда Ольга Александровна была в Торонто на ежегодной конференции *SIAM*, куда она была приглашена прочесть специальную *John von Neumann Lecture*. Мне позвонил тогда Джордж Дафф и пригласил с женой на прием в его доме в честь Ольги Александровны. Во время приема О.А. упомянула, что видела объявление на Королевском Музее Онтарио о выставке импрессионистов, и выразила желание ее посетить (когда выяснилось, что выставка происходит не там, а в Галерее Искусств Онтарио, удивлялась: «Как же так? Выставка в Галерее, а объявление на Музее?!»). Моя жена (тоже Ольга) вызвалась ее сопровождать на выставку.

Я заметил здорового енота на парковке около дома и обратил на него внимание. О.А. решила непременно познакомиться с ним поближе и вышла на улицу. Еноты не агрессивны, но фамильярности не любят и могут укусить или оцарапать, а О.А. решительно не желала соблюдать «социальную дистанцию». К счастью, енот решил важно удалиться. Позднее Ольга Александровна переживала, что не удалось увидеть скунса.

На следующий день Джордж повез Ольгу Александровну на Ниагарский водопад, и она была очарована и водопадом, и окружающими видами. Но она очень боялась, что «старенький» Дафф (который был на четыре года моложе ее) не справится с управлением автомобилем.

А вечером она приехала к нам (мы ее пригласили на ужин). Она не оценила ни большого торта, ни тропических фруктов («Я же северянка!»), но у нас росло несколько кустов красной смородины и малины, и их она

оценила по достоинству! Ольга Александровна рассказывала о нелегкой жизни в России, но переживала не за себя, а за других, в первую очередь вдов академиков, которые бедствуют (это было очень характерно для нее, думать прежде всего о других). Попутно выяснилось что у нее постоянно живет очередная талантливая девочка из провинции, которая учится в Санкт-Петербурге. Наш младший сын Олег никак не мог тогда понять, что эта «бабушка» и есть тот великий математик, о котором мы ему рассказывали.

А на следующий день моя жена отправилась на встречу с Ольгой Александровной, чтобы пойти в Галерею Искусств. Вернулась она вечером совершенно изможденная. Выяснилось, что осмотрев выставку импрессионистов, они собирались уходить, но вдруг О.А. узнала о постоянной выставке Группы Семи (канадских художников) и решила ознакомиться с ней тоже. Моя жена (кстати, тоже изрядная любительница изобразительных искусств) считала, что этого уже будет многовато, но возможно. После этой выставки вдруг оказалось, что есть еще залы индийского искусства, и О.А. решила не упустить и их, а когда они уже собрались уходить, то обнаружили залы иннуитской (эскимоской) резьбы по моржовому клыку и, разумеется, их необходимо было посетить тоже. «Оленька, ты не понимаешь, это такое искусство!». И после этого она еще решила пойти на сессию SIAM, чтобы попить кофе!

Санкт-петербуржцы, которым я об этом рассказал, комментировали однозначно: «Типичная О.А.!»

Ольга Александровна не любила Санкт-Петербургские зимы (очень короткие дни действительно действуют угнетающе) и старалась проводить зиму где-нибудь южнее. Виноградники, которые она видела в районе Ниагары, очень ее впечатлили, и она спросила, не может ли она приехать на один из зимних месяцев в Торонто. Разумеется, я решил пригласить ее. Все «знают», что Торонто – северный холодный город (что, кстати, неверно – Торонто находится на широте Симферополя и Ниццы), но О.А. этого не знала. Однако зимы в Торонто достаточно холодные (а тогда были еще и снежные), очень ветреные и очень сырые, и когда я написал О.А. о необходимости теплой одежды и теплой непромокаемой обуви, ее энтузиазм пропал. «А как же виноградники? Они же все вымерзнут!» – сокрушалась она (на самом деле заморозки необходимы для производства очень сладкого десертного «ледяного вина» из виноградин, прихваченных десятиградусным морозцем; это вино производится почти исключительно там).

Так Ольга Александровна и не приехала в Торонто во второй раз, и я больше с ней не встречался. А потом пришло печальное известие о ее смерти.